

Дюк Степанович (3)

Из Хламыница города, из Далици,
Да и той ли Корелы из богатыя
Вые(з)жал удалой доброй молодец,
Молодой боярин Дюк Степанович¹.
Прие(з)жал он во город во стольныя,
Ко тому ли ко солнышку Владимиру,
Еще служат обедню воскресеньску.
Он мётал коня да не привязана,
Да сыпáл он пшеницы белояровой.
Отворял он у церкви двери нá-пяты,
Затворял он двери крепко-накрепко;
Уж он крест-от кладёт по-писáному,
Он поклон-от ведёт по-учёному,
Он молитовку творил да всё Исусову.
И отпели обедню воскресеньскую.
Уж он бил чёлом солнышку во праву руку,
А княгине его да во леву руку,
Уж он сам-то говорил таковы речи:
«Бла(го)слови ты, солнышко Херувимську спеть
Во всю-то моготу-то богатырскую».
«Уж ты спой-кася, удалой доброй молодец,
Уж ты сильнѣй, могучѣй руськой бóгатырь».
И запел удалой доброй молодец.
С угла нá угол церковь покочалася,
И хрустальни околеники² приломалися,
Еще Божьи привесы помахалися,
Еще Божьи иконы все попадали,
Еще князи и бояра все попадали.
И один стоит солнышко, качается;
Под правú дѣржит Илья Муромец,
Под левú руку – Микитушка Добрынюшка.
И отпел он Херувимську великую,
И зовёт ёго солнышко на почес(т)ѣн пир
Хлеба-соли ись (есть) да сладка меду пить:
«И поди-кася, удалой доброй молодец,

Молодой боярин Дюк Степанович,
Ко мне хлеба-соли ись да сладка меду пить!»
Отвечал удалой доброй молодец,
Еще сильней, могучей русской богатырь:
«Не могу я ваша хлеба ись:
И у вас ведь ес(т)ь печка да глиняна,
Да помёлышко льитè воду болотную, -
Не могу я ваша хлеба ись.
Как у меня у маменьки печка муравлена,
И помёлышко ес(т)ь у нас шелковой;
И на помёлышко льёт есвú сахарную.
У меня маменька печёт ведь калачики:
Калачик съешь - другого хочется,
А по третей душа горит.
И у меня ведь, у Дюка Стёпановича,
Стоит ведь дом на семи вёрстах,
На семи вёрстах да на семи столбах;
Еще все столбы источены,
Еще все столбы позолочены,
А на каждом столбу да красно золото,
Красно золото да чисто серебро.
У м(е)ня ведь, Дюка, пятьдесят калачниц,
У м(е)ня, у Дюка, ес(т)ь пятьдесят портомойниц,
У мня-то, Дюка, пятьдесят мукосейниц ес(т)ь.
У мня матушка сидит на стуле золоте,
И сидит она на рыте да на бархате.
Подведёно под ей ведь солнце и звездочки,
Подведёно ведь луна вся поднебесная».
И сидит он у солнышка у киевська,
Еще животом своим расхвастывать.
И связали-то ёго да добра молодца,
И попал ведь он в неволюшку,
Надели ведь на ёго железы бурзомецкия.
И послают туда ведь смотреть Илью Муромца,
Во второй након Микитушку Добрынюшку.
И пошли тут удалы добра молодца
И завидели они - туча тучится,
Туча тучится, и туманится;
И завидели - у Дюка-то дом стоит,

Дом стоит да на семи столбах;
Еще все столбы были источёны,
Еще все столбы были позолочёны,
И на каждом столбу да красно золото,
Красно золото да чисто серебро.
И пошли они писать по конюшному двору, -
Еще весь позолочён да изукрашен.
Они писали-расписывали, -
Не хватило у (н)их бумаги да чёрнил.
Еще встречу идёт красна девица.
«Уж ты здра(в)с(т)вуй, да Дюкова матушка!»
«Я не Дюкова-то матушка, а ёго калачница».
«Проводи ты нас, красна девица,
Ко той ли матушке да Дюковой».
Провела их красна девица до дому.
Еще встречу идёт красна девица.
«Уж ты здра(в)с(т)вуй, Дюкова да матушка!»
«Я не Дюкова-то матушка, а ёго мукосейница».
Проводила красна девица к Дюковой ко матушке,
Повёла их она до Дюковой до матушки.
Отворили-то двери на́-пяту,
Запирали они двери крепко-накрепко;
Они крест-от кладут по-писа́ному,
И поклон-от ведут да по-учёному:
«Еще здра(в)с(т)вуй-ка, Дюкова матушка!
И тебе ведь Дюк-от поклон посылал».
Еще тут ведь она-то заплакала:
«И моё-то ведь дитяtko захвосливо,
И моё-то дитяtko занозливо;
И моё-то дитяtko не пустым хваста(е)т!»
И дала-то им ведь по калачику;
Они съели - по другому хочется,
А по трет(ь)ему душа горит.
И дала им злата и сèребра
На гостинцы по целому карману:
«Вы снесите-ка поклон дитяtke».
И царю послала калачиков,
И царице послала калачиков.
И пришли они ведь добры молодцы:

«Солнышко да стольнёкиевской!
Не пустым да хвастал Дюк Степанович».
Тогда выпустили да добра молодца.
И зовёт его солнышко на почес(т)ён пир,
Хлеба-соли ись да сладка мёда пить.
Осердился он на солнышка на киевьска:
Посадили, сковали в железа бурзومهцкия
Говорил ёму да таковы речи:
«Еще ес(т)ь у вас да сильнёй бóгатырь?
Уж пойдёшь со мной да погулять ведь?»
Отвечал ёму Владимир стольнёкиевской:
«Ес(т)ь у нас могучёй, сильнёй богатырь
Чурило ведь да Плёнкович».
И пошли они по городу по Киеву.
Еще все народ испужалися,
Все в окошочка бросалися:
«Нае(з)жал ведь могучёй руськой бóгатырь!»
Они стали скакать через Дунай-реку.
И скочил молóдой Дюк Степанович,
И Чурило скочил, да пал в Дунай-реку,
Он и вытащил своёй рукой да богатырскою
Всё Чурила да еще Плёнковича со добрым конём.
Прие(з)жал Степанович да ко Владимиру;
Он сымал шляпочку пуховую.
И не видели молодца сряжаючись,
Только видели удалого поедучись.
Из чиста поля да куревá пошла,
Из желта песка только дым столбом.

Записана Б. А. Богословским в с. Кузомени, на Терском берегу Белого моря,
от Ольги Вопиящиной.

1 Далее следует описание Дюка, которого певица хорошо не знала; «Плетка
в полтораста рублей,» и проч.

2 Рамы